

«Формула жизни» Михаила Гусмана

Первый замглавы ТАСС Михаил Гусман отмечает свое 70-летие. В интервью «МК» он рассказал о том, что стало самым ярким событием в его жизни, с кем было одно из самых тяжелых интервью в его карьере и почему он не хотел бы интервьюировать Сталина.

– Прежде всего, поздравляю вас с днем рождения! У вас за плечами 70 лет жизни. За это время вы видели лучшие годы Советского Союза и его падение, становление современной России, общались с десятками глав государств... Какие из ваших воспоминаний самые яркие?

– Чем сложны интервью, приуроченные ко дню рождения, так это тем, что рискуешь повторить слова, которые разные умные люди уже много раз говорили до тебя. Как правило, эти слова банальны и звучат так: «Жизнь пролетела как один миг», «Не успел оглянуться, а вот он, юбилей» и прочее, прочее, прочее...

Мне действительно повезло в том плане, что годы моей молодости были отмечены двумя обстоятельствами. Во-первых, я родился в чудесной семье в совершенно изумительном месте земли под названием город Баку. Я считал и считаю его городом, совершенно уникальным по атмосфере и дружелюбию. Там прошла половина моей жизни. Во-вторых, в истории нашей страны были разные годы, в том числе трагические периоды, войны, репрессии... Но мне повезло жить в «вегетарианский» советский период, относительно спокойный и некровавый. Если взять 60–70-е годы, начало 1980-х годов – это был период, когда СССР мало-помалу открывался миру, и я пытался быть участником тех

процессов, которые мне тогда казались очень важными. Советский Союз избавлялся от образа «империи зла», хотя это был непростой процесс.

Если говорить о самых ярких положительных впечатлениях, то для меня это – когда в твоей семье все хорошо и спокойно. Это те годы, когда были живы мои родители. У нас была большая семья: папа, мама, старший брат, я, бабушки... Но при этом каждый вечер за столом всегда собиралось как минимум в два раза больше людей. Это были папины ученики, мамины студенты, папины пациенты, аспиранты, просто друзья семьи. Мы жили в коммунальной квартире, хотя родители были профессорами, докторами наук, но так тогда жили многие...

Картина с улицы, на которой стоит тот дом, сегодня висит в моем кабинете. Недавно я был в Баку, моя улица осталась, слава богу, прежней, какие-то дома отремонтированы, ворота подкрашены. На нашем доме висит мемориальная доска в честь моих родителей, которая появилась там в соответствии с указом Гейдара Алиева. Поэтому мой ответ на ваш вопрос: лучшие воспоминания связаны с теми временами, когда все были живы и здоровы.

– А как будете отмечать 70-летие?

– У меня есть задумка собрать как можно больше своих московских друзей и уехать в Баку. Но поскольку уезжать в Баку без повода, просто на день рождения друга, для многих непросто, мои бакинские друзья вместе с правительством Москвы решили провести в Баку «круглый стол» под названием «Диалог культур Москва–Баку». И это будет серьезный и интересный разговор, в котором примут участие представители различных сфер обеих столиц. Ну а то, что большинство из участников – мои личные друзья, будем считать просто «совпадением».

– Ваша программа «Формула власти» в этом году тоже отмечает юбилей – 20 лет. Кто из политиков, у которых вы брали интервью, показался вам наиболее интересным человеком? Хотели

бы кого-то из них пригласить на свой праздник или, может быть, наоборот, есть такие, кого вы бы точно не хотели там видеть?

– Начнем с конца. Я не настолько самонадеян, чтобы приглашать глав государств на свой день рождения. Те из них, кто захочет принять в нем участие, могут там оказаться и без моего специального приглашения. И вообще присутствие на дне рождения – это вопрос не должностной инструкции, а чисто человеческой эмоции.

Что касается первой части вопроса, то я слышу его раз в сотый. Во-первых, я никогда не говорю о действующих героях. А из ушедших я всегда выделял трех лидеров: позапрошлый глава КНР Цзян Цзэминь, ушедший из жизни король Саудовской Аравии Абдалла и, конечно, это бывший президент Азербайджана Гейдар Алиев. Эти три великие личности больше всего мне запомнились.

– Вы были первым российским журналистом, которому дал интервью президент США Барак Обама. Трампа не хотели бы проинтервьюировать? И какие вопросы хотели бы ему задать?

– Моя работа предполагает, что я должен пытаться поговорить со всеми новыми главами государств. И Трамп не исключение. Другое дело, что эти люди сами определяют, когда и с кем им разговаривать. Но самое главное, что, как мне кажется, россиянам Трампу особенно нечего сказать. Он слишком противоречив. С одной стороны, Трамп хочет развивать отношения с Россией и перевернуть негативные страницы, а с другой – его конкретные решения подчас носили для нас совершенно неприемлемый характер. Как мне кажется, это, безусловно, усложняет в том числе и журналистский разговор.

– В интервью вам Обама тоже говорил, что собирается налаживать отношения с Россией...

– А он и налаживал, но не все получилось.

– То есть он вас не разочаровал?

– Это не вопрос моей очарованности им. Обама возглавлял такую великую страну, как США, и в его действиях было много того, что шло на благо нашим отношениям, и много того, что шло во вред.

– В одном из своих интервью вы сказали, что хотели бы взять интервью у Черчилля. Как правило, большинство людей, отвечающих на вопрос, с кем бы вы хотели пообщаться, называют тех, которые в целом остались в истории со знаком плюс. Очень редко кто-то называет людей, которых можно отнести к людоедам, например Гитлера. На ваш взгляд, почему так происходит?

– Не очень понимаю желания, а тем более удовольствия общаться с людоедом. Я сделал почти 400 интервью для программы «Формула власти», но среди них не было никого, с кем меня кто-то вынудил бы общаться. У меня было несколько встреч с людьми, которые не вызвали моей личной симпатии. И это были очень сложные интервью. Например, я сочувствую трагической судьбе Каддафи, но сам он как политический лидер и государственный деятель не вызвал у меня особых симпатий. Построить с ним разговор оказалось крайне трудно. Он оказался очень непростым собеседником. Очень закрытый, cedящий слова...

Когда спрашивают, с кем бы ты хотел поговорить, конечно, выбираешь человека, который тебе интересен и важен как личность. Кроме того, есть очень интересные политики, которые в силу разных причин неразговорчивые. Черчилль же, напротив, был блестящий оратор и выдающийся писатель. Ему вручили Нобелевскую премию по литературе. Кстати, очень интересно читать переписку Сталина, Рузвельта и Черчилля во время войны.

Тут еще вот в чем вопрос. Когда ты хочешь с кем-то поговорить, предполагается, что твой собеседник будет с тобой откровенен. Например, вы спрашиваете, хотел ли я поговорить со Сталиным? Я ведь прекрасно понимаю, что все, что мы знаем о нем, говорит о том, что он ни с кем и никогда не был откровенен. Поэтому такой беседы и желать незачем.

– Ну да, а послушать байки о Сталине можно и без него.

– Совершенно верно.

– Желтый галстук, в котором вы берете интервью в своей программе, называют вашим талисманом. Сколько у вас таких желтых галстуков? Как часто пополняете свой запас?

– Вообще, я человек суеверный. Первый свой «золотой» галстук я носил года два или три. Со временем он начал изнашиваться. В частности, он стал блестеть на камере, о чем мне сказали операторы. В результате этот галстук стал моей домашней реликвией, ну а ему на смену пришло уже множество «золотых» галстуков.

– В последнее время часто говорят о том, что традиционные СМИ теряют популярность, уступая место социальным сетям. Причем речь не только о газетах, которые многие считают почти отжившими свой век, но и о телевидении и радио. Так ли все плохо?

– Мне кажется, что краски все-таки сгущают. Конечно, мы живем в мире с совершенно новыми технологическими возможностями, и методология получения информации тоже кардинально изменилась. Но при этом я уверен, что газеты еще долгие годы будут востребованы довольно большой категорией граждан. Другое дело, что печатным СМИ нужно резко повысить качество журналистского письма. В день я читаю в среднем 7–8 российских газет, включая «Московский комсомолец». И я уверен, что в каждой из них я наверняка найду минимум 2–3 материала, которые мне будет интересно прочесть. Только качество журналистского мастерства будет позволять газетам оставаться востребованными.

Больше того, я не знаю, с чем это связано, но для меня очевидно, что качество журналистского письма в Интернете на порядок ниже, чем в газете. Причем статьи подчас пишет один и тот же журналист. Согласитесь, что наиболее громкие журналистские имена связаны с печатной прессой, а не с блогерами. Люди, пишущие сегодня в социальных сетях, не

останутся в журналистской истории. Они медийные нувориши.

– Как думаете, насколько бессмысленны разговоры о свободе слова? Достаточно ли этой свободы в России?

– Это вопрос терминологический. Я считаю себя законопослушным человеком, причем для меня это принципиально важно. Я считаю, что в нашей стране в рамках действующего законодательства достаточно много возможностей для самореализации журналиста. У нас много СМИ, которые позволяют себе публиковать достаточно острые, если не сказать ругательные, материалы. Я считаю, что в обществе, конечно, должен быть плюрализм мнений, свобода слова и информационная открытость. Но все это вполне может существовать в рамках сегодняшнего достаточно либерального законодательства.

Когда мы говорим, что в России нет цензуры, это правда. Но не очень хорошо, что исчезла та качественная, профессиональная редакция, которая была в Советском Союзе. Сегодня в СМИ зачастую подменяется острота изложения материала его запредельной резкостью. Кого-то хвалить не актуально, а вот рвать на куски – всегда пожалуйста. При этом в нашем обществе есть чиновники и политики, которые заслуживают того, чтобы их похвалили, но подобный материал наверняка будет воспринят как заказуха...

Понимаете, я сравниваю профессию журналиста с профессией врача. Есть журналист-хирург, который хватает скальпель и начинает резать по живому. Есть журналисты-нейрохирурги, которые при любой возможности начинают вскрывать черепушку, чтобы объяснить события через подсознание человека и так далее. Есть журналисты-гинекологи и журналисты-проктологи, ну понятно, как они работают... А есть журналисты-патологоанатомы, которые специализируются по трупам. Вот уволят человека, тогда про него будут писать – такие журналисты только мертвечиной питаются.

– Причем желательно, чтобы он еще разложился хорошенько, чтобы

уже наверняка...

– Ну это уже как сложится. А я сын своего отца, который работал врачом-терапевтом, кардиологом. Поэтому я старым дедовским способом ухо прикладываю к сердцу. Меня иногда спрашивают, почему я не задаю своим собеседникам острых вопросов. Но ведь не это моя задача. Мне нужно нарисовать портрет человека, а не показать его больные мозоли.

– ***Спасибо большое за интервью и еще раз – с днем рождения!***

Артур Аваков

